

Стрейс Я. Я.

ТРИ ПУТЕШЕСТВИЯ

ПУТЕШЕСТВИЯ ВОКРУГ СВЕТА

Путешествия вокруг света

Ян Я. Стрейс

Три путешествия

«Алисторус»

1676

УДК 821.112.5
ББК 26.89(4Гол)

Стрейс Я. Я.

Три путешествия / Я. Я. Стрейс — «Алисторус»,
1676 — (Путешествия вокруг света)

ISBN 978-5-486-03127-4

Стрейс Ян Янсен (1630—1694) — голландский ремесленник, путешественник, парусный мастер. В 1647—1656 гг. совершил два путешествия по странам Европы и Азии. С 1668 по 1675 год служил парусным мастером в России, побывал во многих городах Поволжья, был свидетелем взятия Степаном Разиным Астрахани. В данном томе представлена книга Стрейса «Три путешествия», которую он издал в Амстердаме в 1676 году. Она пользовалась большим успехом, была переведена на многие языки. Книга написана живо, увлекательно, содержит очень интересные наблюдения о жизни народов и стран, в которых ему пришлось побывать.

УДК 821.112.5
ББК 26.89(4Гол)

ISBN 978-5-486-03127-4

© Стрейс Я. Я., 1676
© Алисторус, 1676

Содержание

Введение[1]	5
Предисловие автора к читателю	16
Первое путешествие	17
Глава I	17
Глава II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ян Янсен Стрейс Три путешествия

Введение¹

I

Много было в XVII в. искателей приключений, подобных голландцу парусному мастеру Стрейсу. За их внешне занимательными рассказами о чудесных заморских странах, о диковинных нравах и обычаях людей, населявших эти страны, за переплетением вымысла и были нетрудно прощупать реальную историческую основу.

То была заря капиталистического развития Европы. В безграничной жажде наживы молодой капитализм устремляется в колонии, обрекает их на поток и разграбление. Купцы и пираты, мореплаватели и воины прокладывают пути в Индию и Китай, в страны Нового света и в Среднюю Азию.

Особенно отличалась в этом смысле Голландия. «Голландия, где колониальная система впервые получила полное развитие, уже в 1648 г.² достигла высшей точки своего торгового могущества»³, – пишет Маркс. В первой половине XVII в. нидерландцы завязывали торговые сношения со всем известным тогда миром, с берегами Южной Европы, Азии, Америки и Африки. Голландские военные и торговые суда бороздили моря и океаны.

«Голландия была образцовой капиталистической страной XVII в.», – говорит Маркс. Ее развитые мануфактуры уже тогда нуждались в привозном сырье, в рынках сбыта. Страна не могла прокормить собственным хлебом многочисленное неземледельческое население, и проблема хлеба стала весьма остро.

В 1651 г. изданный Кромвелем «навигационный акт», специально направленный против нидерландской торговли и мореплавания, нанес Голландии первый сильный удар. В 1655 г. к враждебной политике Англии примкнула Франция. Но ослабленная Голландия пока не была оттеснена на задний план, ее могущество было только поколеблено. Нидерланды оказывали поднявшейся Англии отчаянное сопротивление. Они пускали в ход все средства: дипломатическую ловкость и обещание коммерческих выгод, военную силу и торговую изворотливость. Одним из важнейших плацдармов англо-голландской борьбы стала и далекая Московия. Такова историческая основа «путешествия» Стрейса в Московию, которую он пересек от западной границы до восточной, от Балтийского моря до Астрахани, да и всех его трех путешествий, которые смыкаются в одну общую цепь. Вольно или невольно, Стрейс выполнял задание молодой голландской буржуазии, когда описывал торговые пути, рынки, цены на товары, нравы и обычаи народов Московии и Востока.

Большинство иностранцев рассматривало Московское государство как колонию. Голландцы добивались монополии на торговлю русским хлебом; они пошли еще дальше и просили в 1630 г. разрешения распахать в России «новинные земли» и засеять их. Европейцы стремились превратить Россию не только в сырьевую базу, но и в транзитный путь в Среднюю Азию, Индию и Китай..

И эта проблема много старше Стрейса.

¹ Статья написана в 30-е годы прошлого века.

² В 1648 г. кончилась восьмидесятилетняя война Нидерландов с Испанией.

³ Маркс с. Капитал. Госиздат, 1931. Т. I. С. 670.

На путь через Россию в Персию и на выгоды восточной торговли обратили внимание еще в 70-х годах XV в. послы Венецианской республики в Персии Контарини и Барбаро.

От начала XVI в. дошел рассказ Павла Иовия Новакомского об одном искателе восточного пути, генуэзском капитане Павле, которому принадлежал план нового торгового пути в Индию. Павел вел свой путь от Риги на Москву, оттуда реками Москвой, Окой и Волгой в Астрахань, дальше Каспийским морем в Ашхабад и в Индию. Это был в основном тот же путь, каким много позднее ехал Стрейс.

Экономическое значение этой торговой артерии отмечал в начале XVI в. и автор знаменитых записок о Московии австрийский барон Сигизмунд Герберштейн.

Так, проблема московского транзита издавна занимала Европу. Но особенно остро встала эта проблема со второй половины XVI в., когда на сцену выступили Англия и Голландия – крупнейшие торговые державы эпохи первоначального накопления.

Англичане опередили голландцев. Еще в 1553 г. первый английский корабль случайно добрался до устья Северной Двины. Капитан удачливого корабля Ричард Ченслер выдал себя за официального английского представителя и был милостиво принят Иваном Грозным.

Результаты не замедлили сказаться. Уже в 1555 г. Грозный предоставил английской компании привилегию на беспощинную торговлю и другие льготы. За этой привилегией в 1567 г. последовала новая. На этот раз англичанам в дополнение к прежним преимуществам была разрешена беспощинная торговля в Казани и Астрахани, Нарве и Дерите, следовательно, разрешено ездить не только северным путем, но и через Балтийское море. Английская компания получила также право торговать с восточными народами – с Персией.

Грозного прозвали «английским царем». Англичане сравнивали открытие северного пути с открытием португальцами морского пути в Индию. Агент компании М. Локк подчеркивал, что «торговля с Персией, проходя через Россию в Англию, имела бы чрезвычайное значение для Англии», ибо товары России к Персии шли бы через английские руки в другие европейские страны «вне угроз со стороны турок, без ведома Италии и Испании и без каких-либо разрешений от короля Португалии».

Монопольная компания не замедлила использовать свои преимущества. В 1557 г. капитан Антоний Дженкинсон был направлен в Московию для дальнейших изысканий. В 1558 г. он спустился по Волге до Казани и, намереваясь отыскать Китай сухим путем, доехал до Бухары.

В своем отчете капитан Дженкинсон довольно сдержанно отозвался о выгодах восточной торговли. Если Стрейс отмечает здесь всюду большие торговые возможности, то иначе отзывается об этом его английский предшественник. Дженкинсон сообщал, что «ежегодно в этот город Бухару бывает большой приток торговцев, которые путешествуют большими караванами из окрестных соседних стран, Индии, Персии, Балха, России и разных других... но и эти торговцы так нищи и бедны и привозят товары в столь малых количествах для продажи, что там нет никакой надежды на какую-либо хорошую торговлю. Я предложил товарообмен торговцам этих стран... но они не захотели менять на такой товар как сукно... Русские привозят в Бухару юфть, овчины, различные шерстяные ткани, деревянную посуду, уздечки, седла и т. п., а увозят оттуда разного рода хлопчатобумажные изделия, различные шелка, краски и другие предметы, но эти обороты лишь незначительных размеров». И дальше Дженкинсон говорит о «незначительности оборотов и малой прибыли» и называет «ничтожной» торговлю с Персией через Шемаху и Астрахань.

Впрочем, предприимчивый Дженкинсон был настойчив; совсем в духе той беседы, которую, как увидим ниже, сто с лишком лет спустя Стрейс вел с армянскими купцами, предложил персидскому шаху забрать весь шелк-сырец, доставлять взамен сукна и другие товары.

Англичане только начали осваиваться с восточным рынком, который, обещая многое в будущем, был незначителен в настоящем. Здесь следует попутно отметить, что российские купцы уже проникли в Персию и в Среднюю Азию, хотя их обороты были тоже незначительны.

В 1561 г. Дженкинсон повторил свой маршрут по Волге до Астрахани и через Каспийское море в Персию. Компания добивалась свободы торговли в странах Востока и свободы проезда в Индию. В течение второй половины XVI в. английские мореплаватели неоднократно следовали через Россию на Восток.

Вслед за капитаном Дженкинсоном между 1568 и 1573 гг. следуют путешествия англичан Томаса Алькока, Артура Эдвардса, Томаса Бэнистера и Джеффри Докета. Все они стремились на Восток. Эдвардс вел переговоры с персидским шахом и обещал доставлять ему ежегодно 200 тыс. штук каразеи и сукон, в то время как шах просил всего 100 тыс. штук. В письме компании Эдвардс указывал на возможность получения в обмен на каразею шелка-сырца, хлопка и пряностей. В 1579 г. компания снова послала Эдвардса. Он умер во время путешествия в Астрахань.

Одновременно английские правительственные агенты направляются в Москву для переговоров о дальнейших льготах и привилегиях. Таковы посольства Томаса Рандольфа в 1567 г. и Джерома Боуса в 1583 г. Рандольф отмечает, что английская компания построила специальную барку для плавания по Волге.

При Иване Грозном англичане достигли максимума того, чего добивались. Иван IV весьма благосклонно относился к Англии, так как рассчитывал на ее политический союз и помощь в Ливонской войне за Балтийское побережье.

Дальнейшее развитие представляет любопытную картину медленного, но неуклонного ограничения английских привилегий. Первые ограничения наметились уже при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. За англичанами было по-прежнему сохранено право повсеместной беспошлинной торговли, но компания лишилась своей монополии. Северный путь был открыт и для других иноземных компаний. Грамота 1584 г. лишила компанию нрава розничной торговли.

Напрасно английский посол Флетчер, ссылаясь на выгоды для Москвы от британской торговли, на жертвы, которые несут англичане, завязывая сношения с Россией, настаивал на сохранении былых привилегий. Московское правительство указывало Флетчеру, что англичане на Руси не «великие убытки терпели», а, наоборот, «торгуячи беспошлинно много лет, многие корысти себе получили». Москва особенно подчеркивала чрезвычайные преимущества, которые дарованы Англии «мимо всех иноземцев» и заключаются в том, что ей дозволено проезжать «в Бухару, в Шемаху, в Казвин, в Кизилбашскую землю... и мимо Казани и Астрахани во все в те государства пропускати торговати государь велит и пошлин с них имати не велит», тогда как «иным иноземцам никому никуды мимо Московское государство ходити не велено ни одное версты за Москву, не токмо в Казань и за Казань, и за Астрахань». Пора безраздельного господства Англии в Московии миновала.

II

Одна из причин неудачи англичан заключалась в успешной конкуренции Нидерландов. Первый нидерландский корабль пристал к Лапландскому берегу по-видимому в 1564 г. Приехавший на нем крупный купец Винтеркениг заключил торговый договор с Печенгским монастырем и, вернувшись на родину, основал первую голландскую компанию для торговли с Россией. Через четверть столетия после Ченслера, в 1578 г., к устью Двины впервые прибыл голландский корабль. Постепенно завязываются регулярные сношения между обеими странами.

Какое значение придавали голландцы торговле с Россией, наглядно показывает проект, представленный Нидерландским генеральным штатам в конце XVI в., в котором говорится, что «бог... указывает нам новую дорогу, которая столь же прибыльна, как и плавание в Испанию, а именно – дорогу в Россию». Один испанский автор писал в 1626 г., что «самая большая

торговля, которую голландцы ведут теперь и вели долгие годы и которую они считают наиболее обеспеченной... это торговля с севером и главным образом с Москвой».

Голландцев, как и англичан, влекли сюда неисчерпаемые запасы дешевого сельскохозяйственного сырья. Не случайно много лет спустя Стрейс, как и все иностранцы, путешествовавшие по Московии, неизменно отмечает баснословную дешевизну предметов потребления. Промышленная и торговая Голландия хотела превратить Россию в свою сырьевую базу.

Целью голландцев, как и англичан, было не только установление правильной торговли с Россией, но и поиски северного пути в Индию и Китай: голландцы рассчитывали пробиться через север к сказочным богатствам Востока.

На этом пути надо было освободиться от англичан. В ход пускаются все средства. Голландский купец де Валле подкупил ценными подарками и крупнейшими денежными взятками виднейших приближенных царя: Никиту Романовича Юрьева, Андрея Щелкалова и Богдана Вельского. Англичане жаловались, что голландцы развратили русских чиновников, что они нарочно ставили на самых плохих своих сукнах фальшивое английское клеймо, чтобы дискредитировать английские товары, распространяли об Англии небылицы, рисуя ее во образе бесхвостого льва с тремя опрокинутыми коронами или в виде дворняжки с обрезанным хвостом и ушами.

Голландия обнаружила большую гибкость. Английская торговля была сосредоточена в основном в руках одной компании. Уже в начале XVII в. компания вызвала против себя нападки английского парламента именно потому, что выродилась в монополию нескольких лиц. Не имея достаточных капиталов, ее «директора» не могли насытить не очень, вообще говоря, значительный спрос русского рынка.

Голландская торговля не была столь узкомонопольной. Сами англичане признавали голландский ввоз более разнообразным. Ассортимент нидерландского импорта был весьма разнообразен, хотя и предназначался на удовлетворение нужд верхов русского общества в предметах роскоши.

Размеры голландской торговли в Московии показывают следующие цифры: в начале XVII в. в Гвинею приходило 10 нидерландских кораблей, в Китай – 3, в Ост-Индию – 7, в Россию – 20. В 1572 г. в Архангельск приходило 3 голландских судна, в 1600 г. – 9, в 1618 г. – 30, в 1658 г. – более 50 голландских и всего 4 английских корабля.

Голландский купец и дипломатический агент Исаак Масса злобно констатировал в 1618 г.: «Сколько здесь (в Москве. – А. Г.) прежде англичан уважали, столько их ныне презирают, сколько они прежде здесь гордились, столько они теперь повесили нос... С нашими купцами в нынешний год поступлено чрезвычайно милостиво».

Пятьдесят лет спустя англичанин Коллинс со злобой и завистью писал: «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отбивают у англичан хлеб. Они гораздо многочисленнее и богаче англичан... В России их принимают лучше, чем англичан».

А Стрейс всюду на Востоке отмечает наличие купцов-соотечественников. Он с удовлетворением отмечает, что в Гомбруне «наши соотечественники-нидерландцы самые крупные и приятные из всех купцов» (гл. XXXVI), и персидский шах рассматривает голландцев как союзников и друзей, с которыми он ведет крупную торговлю. В этом смысле симптоматичен разговор Стрейса с армянскими купцами. «Только из Голландии, – сказали они, – можно будет ввозить через Каспийское море олово, цинк, ртуть, сукно, атлас и другие нидерландские материи и товары, которые можно хорошо и с большой выгодой продать в Дербенте, Шемахе и Ардебиле. Поэтому следовало бы всю торговлю шелком направить в Голландию; и гораздо лучше и удобнее отправлять товары в Голландию Каспийским морем, Волгой, через Архангельск, чем предпринимать далекий путь с большим и дорогостоящим конвоем или стражей, со многими опасностями, сначала сухим путем в Смирну, а оттуда с большими потерями от берберских разбойников через Испанское море, не говоря уже о невероятной пошлине, взи-

маемой турками, причем они (купцы. – А. Г.) полагают, что московский царь будет брать меньшую пошлину, чтобы развить и направить ту выгодную торговлю в свою страну».

Здесь целая экономическая программа, очень хорошо объясняющая место Московии в системе международных связей той эпохи и обостренную борьбу за использование московского транзитного пути, которая издавна велась между Англией и Голландией и вылилась в прямую войну, описанную в отдельных эпизодах Стрейсом (гл. XXXVII). Война эта имела свои глубокие и старые корни. Московия занимала несомненно значительное место в борьбе двух могущественнейших держав Европы XVII в.

III

Мы сказали, что Голландия вытесняла Англию с московского рынка, но было бы глубоко ошибочным видеть в России XVI–XVII вв. колонию Европы, страну, попеременно меняющую хозяев. Европа, правда, стремилась превратить Московию в свою колонию. Стрейс разговаривал с персидским купцом о богатых возможностях торговли с Голландией через Россию, не принимая совершенно в расчет того, как будет реагировать на это Москва. В этом случае он следовал примеру других иностранцев, склонных рассматривать Россию как страну неограниченных, ничем не стесняемых возможностей.

Однако хотя иностранцы сулили Москве пошлину от транзитной торговли, но для самодержавного крепостнического московского государства интересы торгового капитала были далеко не безразличны, оно хотело само, через своих торговых «агентов»-купцов держать в своих руках торговые нити между Востоком и Западом.

Еще в середине XV в. Москва завязала сношения со Средней Азией через Каспийское море и Закавказье.

В конце XV в. тверской купец Афанасий Никитин добрался Волгой до Астрахани, оттуда через персидские владения в Индию. Он особенно интересовался торговлей, описал торговые порты и города. Но татарские ханства на Волге мешали налаживанию правильных связей. Завоевания Казани и Астрахани (завоевание Казани довольно подробно описано Стрейсом) в середине XVI в. открыли московским купцам старый среднеазиатский торговый путь и сделали их здесь едва ли не главными хозяевами.

Со второй половины XVI в. складываются более или менее правильные и регулярные сношения Московии со Средней Азией. В отдалении маячила сказочно богатая Индия. В 1520 г. приезжал в Москву для отыскания сухопутного пути в Индию генуэзец Павел Центурион, а в 1537 г. – венецианец Марко Фоскарини. Живо интересовался этой проблемой Иван Грозный. В стремлении Москвы к Индии было больше туманных мечтаний, чем реальных возможностей, но это желание проникнуть в сказочный край все же симптоматично для московских appetitов. Гораздо более реальную основу имели связи с низовьями Волги и со странами, расположенными у Каспийского моря. В 1557 г., т. е. на другой же год после завоевания Астрахани, там появляются «гости из Юргенча (Хивы. – А. Г.) со всякими товарами». Сношения среднеазиатских ханств с Москвой крепили и учащались. Особенное внимание на азиатскую торговлю было обращено при царе Алексее Михайловиче. Стрейс отмечает, что на рынке в Шемахе «большой частью останавливаются русские и обменивают олово, медь, юфть, соболей и другие товары». В той же Шемахе, согласно Стрейсу, русские фигурируют то как рабы, то как работаровцы.

Однако русское купечество было еще слабо в восточной торговле, а более активная роль принадлежала азиатским купцам. Число посольств из Азии в Московию всегда превышало число посольств из Московии в Азию. Инициатива трех посольств, отправленных в 1646 г. в Персию, Бухару, Индию для урегулирования торговых и дипломатических вопросов, принадлежала среднеазиатским государствам.

Торговля последних была поставлена в Московии в стеснительные условия. Монополия наиболее выгодных статей торгового оборота в руках царя и «гостей», большие пошлины, которыми облагались предметы оборота частных купцов, не могли содействовать свободному развитию экономических связей.

Частная торговля восточных купцов допускалась, как правило, не далее Астрахани. В «памяти» из Посольского приказа от 18 ноября 1585 г. прямо сказано: «А тезикам бы есте, которые приедут с бухарскими послы и со юргеньскими, отпустили их вместе с ними, а которые у них торговые люди пришли в Казань, а вы б о том к нам отписали и вы б их из Казани не пропускали по прежнему нашему указу».

Все ввезенные товары таких частных купцов подлежали прежде всего оплате в Астрахани различными пошлинами. Требовалось особое разрешение, чтобы купцы могли ехать торговать дальше Казани, при отъезде из которой нужно было уплатить пошлины в двойном размере по сравнению с русскими купцами.

В 1627 г. торговые люди Москвы и других городов жаловались в челобитной, что «кызылбашские и бухарские земли тезики из Астрахани и из Казани ездят по всей вашей государевой вотчине... и у нас, холопей ваших, оне и последние промыслы отняли». Челобитчики просили, чтобы «кызылбашские и бухарские тезики дале Астрахани и Казани вверх вашу государеву вотчину тож б не ездили».

Новоторговый устав 1667 г., чрезвычайно ограничивший иностранную торговлю вообще, содержал специальные статьи о восточной торговле. Статья 77-я устанавливает весьма высокую пошлину с купцов, которые едут «из-за моря Кызылбаши, индейцы, бухаряне, армяне, кумыки, черкасы». А статья 79-я гласит: «А золотых и ефимков не покупать и русским людям под заповедью кызылбашам не продавать».

Москва мало знала Среднюю Азию. Из Бухары ждали золота, в Индию отправляли плохие меха и слюдяные зеркала в то время, когда там уже получались европейские товары.

Восточные ханства платили Московии той же монетой. В 1651 г. шведский торговый представитель доносил, что в этом году в Астрахань не приехал ни один русский купец, так как шах захватил в Персии всех московских торговцев. В 1652 г. он доносил, что персы презирают русских и, наоборот, охотно торгуют с иностранцами. Стрейс также отмечает, что шах освободил англичан и голландцев от пошлин.

Несмотря на большие льготы на торговлю шелком, какие получила армянская торговая компания в конце 60-х и в начале 70-х годов XVII в., дела этой компании шли плохо. Московские гости указали на то, что армяне привозят «малое число» и то плохого шелку, «да и тем малого числа шелкам с русскими торговыми людьми по другому договору не торгуют, а желают торг иметь с иноземцы, по совету галанцов торговых людей».

Азиатский Восток и европейский Запад были заинтересованы в максимальной свободе сношений через Россию. Но поперек пути стояло московское купечество с его притязаниями; а за купечеством стоял фактический хозяин Московии – крепостническое дворянство во главе с московским царем.

Ограничения и стеснения западной торговли нарастали постепенно. Они шли по линии запрещения торговли иностранцев внутри страны, за пределами портов, шли по линии запрещения вступать в связь с непосредственным производителем, минуя русского торгового посредника и т. д. и т. п.

В 1627 г. наказан пенею англичанин, торговавший с персами. «Как были на Москве кызылбашские купчины, пришед к нему на гостин двор, купили у него в палате, где он с товаром своим сидит, олова прutoвого тридцать пуд». Между тем «по государеву указу англичанам и иным иноземцам торговым немцам с кызылбашскими купчины заморскими никакими товарами и оловом торговать не велено».

Сокрушительный удар постиг англичан в 1649 г., когда они были высланы из Московского государства за то, что «короля своего Карлуса до смерти убили». Изгнание англичан облегчало отмеченную выше временную победу голландцев. Но при всех их успехах и им не удалось превратить Россию в свою колонию.

В 1630 г. в Москву прибыло нидерландское посольство. Оно добивалось разрешения на монопольную покупку зерна. В монополии было отказано. Первые Романовы предоставили право транзитной торговли с Востоком только экономически маломощной гольштинской компании и не соглашались на транзит экономически сильных, а потому опасных Франции, Англии и Голландии.

Новоторговый устав 1667 г. завершил запретительные и ограничительные мероприятия Москвы в отношении иностранцев и свел ограничения предшествующих лет в единую систему.

Но нидерландцы, сильно укрепившие свои позиции в Москве, где они заняли первое место, не оставили своих колониальных поползновений. В 1675 г. в Москву был прислан голландский посол Кунраад фан Кленк. В свите посла состоял и Стрейс. Кленк хотел втянуть Россию в войну, которую в то время вела Голландия с Францией. Не получив согласия Москвы, занятой войной с Турцией за Приднепровье, Кленк перешел к торговым предложениям: допустить голландцев к транзитной торговле с Персией, отменить новоторговый устав 1667 г. и разрешить свободную покупку хлеба. Предложения Кленка встретили отказ. Было созвано совещание гостей. Гости категорически указали, что об отмене новоторгового устава не может быть и речи: в результате устава разбогатела казна, «также и они, гости и всего Московского государства торговые люди, учили промыслы иметь и в торговых промыслах заводиться и час от часу полниться». Отмена же устава приведет к вытеснению русских купцов иностранцами. То же самое произойдет, по мнению гостей, если голландцам разрешить свободный транзит в Персию: они захватят восточную торговлю, «а русских людей до покупки и до промыслов к персидским товарам не допустят, и принуждены они будут персидские товары купить у них, иноземцев, с прибавочной ценою».

Не случайно во всех мероприятиях против иностранной торговли основной нитью проходит запрещение розничной торговли: феодал, базирующий свое хозяйство на непосредственной эксплуатации мелкого крестьянского хозяйства, боялся, что иностранец, не стесненный в розничной торговле, свободно курсирующий по всей Московии, ее торгам и торжкам, захватит эти торжки в свои руки, в ущерб помещику-крепостнику. С другой стороны, дворянское государство было непосредственно заинтересовано в торговых операциях, сосредоточенных в руках московских гостей. Нельзя забывать, что сам царь был первым купцом государства, что он стремился к монополизации в руках своих и гостей торговли наиболее доходными статьями, в том числе и шелком, шедшим как раз с Востока.

Записки Стрейса интересны прежде всего отражением борьбы европейского торгового капитала за Московию и Восток. Проблема московской и восточной торговли является ведущей темой третьего «путешествия». Правда, эту проблему ставили и другие иностранцы; правда, Стрейс очень много позаимствовал у своего предшественника, секретаря гольштинского посольства Олеария, оставившего замечательные записки. Но это не лишает ценности записки Стрейса. Это показывает лишь, что вопросы, занимавшие обоих путешественников, были животрепещущими для своего времени, играли роль важных мотивов европейской политики, интересовали столь широкие круги, что нуждались в повторении.

Но независимо от содержания (а оно, как мы увидим ниже, дает немало нового по сравнению с Олеарием и другими иностранцами) Стрейс своей манерой изложения вводит новую струю. У Олеария медлительное изложение, холодное описание чопорных приемов и торжественных речей. Он много говорит об официальной стороне дела, он обретаётся на верхних этажах общественного здания, он – ученый чиновник. Стрейс избегает сухого изложения фактов и «академических» описаний, он дает нечто вроде авантюрной повести, яркой и увлека-

тельной, с той же, что и у Олеария, идеей пути через Московию на Восток; Стрейс обращается к более широкой аудитории, к средним и низшим слоям буржуазии своей родины.

IV

Записки Стрейса интересны еще в том отношении, что содержат некоторые сведения для понимания кризиса середины XVII в. Здесь Стрейс дает кое-какой новый и оригинальный материал, тем более важный, что кризис этот изучен явно недостаточно. Недостаточно выяснены не только его причины, но и конкретные показатели.

Страна не успела еще выйти из потрясений крестьянской революции начала XVII в., как в ней начала намечаться передвижка хозяйственных центров, передвижка населения, вызвавшая упадок старых районов при слабом на первых порах подъеме новых. В основе кризиса лежала хищническая политика помещиков-крепостников, истощавших силы крестьянской массы, обрекавших колонии на поток и разграбление и тем подрывавших базу, на которой покоилась экономика ряда областей.

Начиная со второй четверти XVII в. все явственнее становились признаки разорения Поморья, отлива отсюда жителей. Пустели деревни, безлюдели крестьянские дворы, население «брело розно». «Пить и есть нечего и кормятся христовым именем». Ряд неурожайных лет в начале 40-х годов довершил упадок. Царские чиновники сообщали из северных городов, что «многие оскуделые крестьяне от правезу бегают с женами и детьми по лесам, и пашня у них яровая не пахана», что крестьяне «хотят бежать в сибирские города и по иным городам».

Падают и крупнейшие торговые центры, пункты связи с Европой. Число дворов двинской группы – Холмогор и Архангельска – с 744 в 40-х годах дошло до 645 дворов в 70-х годах. Единственное в XVII в. «окно в Европу», Архангельск, продолжало все же сохранять свое положение крупнейшего центра связи с Западом. Несмотря на отдаленность и неудобства географического расположения на далеком Севере, у скованного большую часть года льдами выхода к морю, Архангельск привлекал к себе иностранцев тем, что сообщение через него было связано с уплатой незначительных пошлин по сравнению с путем в Россию через Балтийское море.

Однако Москва, прогнанная с Балтийского моря в результате Ливонской войны, не порывала связей с Балтикой, на стороне которой были географические преимущества.

Во второй половине XVII в. население возвращалось обратно к Балтийскому морю.

Резко определившееся истощение пушных богатств Сибири ослабило экономические позиции Архангельска, в оборотах которого пушной торговля занимал существенное место. Зато растут тяготеющие к Балтике посадки северо-западной цепи: Углич, Тверь, Торжок, Старая Русса, Новгород и, наконец, Псков – важнейший город этой окраины, головной пункт всей цепи.

Путевые впечатления Стрейса отлично иллюстрируют указанные сдвиги. «Октября 20-го мы пересекли границу Московии в деревне Печоры, там хорошее пастбище и держат много коров... Эта деревня богаче многих городов этого края». «Псков – большой город, добрых два часа в окружности». А вот как Стрейс описывает дорогу из Пскова в Новгород: «Это путешествие было веселее и приятнее, чем через Лифляндию, потому что тогда мы должны были ехать дремучими лесами и болотами, а теперь проезжали хорошими пастбищами, нивами, конопляными и льняными полями».

Отмечая, что в результате московского завоевания новгородская торговля упала, Стрейс тут же прибавляет: «но не заглохла, ибо в настоящее время в нем собираются купцы, преимущественно из Гамбурга, Любека, Швеции и Дании, которые прибывают из реки Невы до самого Новгорода. Торговля идет зерном, ячменем, льняным и свекловичным семенем, мехами, коноплей, льном, в особенности юфтью». Торжок «весьма населен и красив». Чрез-

вычайно интересны наблюдения Стрейса и во время путешествия по Волге. Перед читателем проходит вся панорама этой важнейшей водной артерии. Тут и Нижний Новгород с канатными дворами, и красивые села и пажити, а кое-где и города между Нижним и Казанью.

Дальше – Козьмодемьянск, где население промышляет изготовлением и продажей саней, корзин, кошелей, ведер, ковшей, кувшинов и бочек. Этот промысел, говорит Стрейс, весьма доходен, что не мешает Козьмодемьянским жителям жить бедно и плохо.

Вот две недавно отстроенные деревни у Соляной горы. Здесь много соляных котлов и скородок для выварки соли, тут же добываемой. Соль отправляется «большими грузами вверх по Волге, по направлению к Москве. Добыча соли дает работу многим людям и способствует развитию большой торговли».

В то время эти места еще не были окончательно усмирены. Колониальные завоевания включили всю Волгу в состав Московского государства. Но волнения националов еще продолжались, беглые крестьяне собирались в казацкие отряды и тревожили своими нападениями купеческие караваны, войсковые отряды. Стрейс подчеркивает, что плавание по Волге не безопасно из-за нападений донских казаков. Стрейс обратил внимание, что Чебоксары сильно укреплены, в них увеличенный «по случаю бунта казаков» (т. е. разинцев) гарнизон. У впадения реки Усы в Волгу тоже беспокойно: «Здесь весьма опасно проезжать из-за разбойников, которые скрываются в кустарниках и, завидя кого в горах, быстро нападают на него». В Саратове также военная обстановка: «В нем живут только московский воевода, стрельцы, назначенные для защиты от казаков и калмыцких татар». Приехав в Астрахань, Стрейс вводит нас в обстановку большого города на стыке с азиатским Востоком – города, где кипит торговая жизнь, куда приезжают представители различных национальностей Азии и Европы.

И хотя в описании путешествия по Волге Стрейс во многом следует за Олеарием, раньше проезжавшим здесь, но целый ряд деталей говорит за то, что, используя готовую канву, Стрейс вносит здесь значительный материал непосредственных, личных впечатлений и наблюдений.

V

Особый, самостоятельный интерес представляют страницы путешествия Стрейса, посвященные движению Разина. Мимо них не пройдет ни один исследователь этого движения. Хотя Стрейс ненавидит Разина и возглавленное им движение, но классовая ненависть не помешала ему сделать ряд ценных и правильных наблюдений. Значение этих наблюдений тем более велико, что они принадлежат человеку, попавшему в самый водоворот событий и передавшему свои непосредственные впечатления от виденного и слышанного. Страницы, посвященные разинскому движению, наиболее ценны. Мы располагаем довольно скудным запасом источников о разинщине. Тем большее внимание должны привлечь к себе данные записки.

Рассказ Стрейса о разинщине выигрывает по сравнению с записками других иностранцев, пользовавшихся для описания разинщины либо официальными правительственными сообщениями (Томас Ньюкомб), либо изложением событий у Стрейса (Койэт, автор «Посольства Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу»), либо дающих мало конкретного материала и много рассуждений (Шурцфлейш), либо передающих только отдельные разрозненные моменты из истории движения (Рейтенфельс).

Поэтому неправильным представляется мнение т. Б. Тихомирова о незначительной ценности записок Стрейса в части, касающейся разинщины⁴, и уж совершенно неосновательно уверяет т. Тихомиров, будто «Стрейс выдвинул и развил легенду о том, что Разин мстил цар-

⁴ Тихомиров Б. Источники по истории разинщины. – Проблемы источниковедения. Сб. 1. 1933. С. 64.

скому правительству за своего брата, якобы повешенного за нарушение дисциплины во время похода 1665 г. в Малороссии»⁵.

Как раз наоборот. Излагая эту легенду, Стрейс прибавляет: «Это принято считать причиной его недовольства или, вернее, поводом к его варварским жестокостям. Но это неверно, что следует из того, что он выступает с оружием не только против царя, но и против шаха персидского, который не причинил ему ни вреда, ни несправедливости».

Движимый классовой ненавистью Стрейс изображает Разина как грабителя. Однако и враг не мог не заметить в разинщине ее истинных классовых целей. Характерна в этом смысле речь Разина к перешедшим на его сторону: «За дело, братцы! Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки или язычники. Я пришел дать всем вам свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми».

Недаром «после этих слов каждый готов был идти за него на смерть и все крикнули в один голос: «Пусть он победит всех бояр, князей и все подневольные страны». Такова истинная антидворянская, антифеодальная программа движения.

Именно в этом отмечаемые Стрейсом корни огромной популярности движения в крепостном крестьянстве и в других слоях эксплуатируемой массы. «Глупый народ, – пишет Стрейс, – начал роптать и высказывать похвалы разбойнику, и во всех городах этой местности начались такие волнения, и каждый миг приходилось со страхом ждать ужасного кровопролития. «Восстань, восстань, народ! – кричали даже стрельцы. – К чему нам служить без жалованья и идти на смерть? Деньги и припасы истрачены. Мы не получили платы за годы, мы проданы и преданы».

Вот почему войска контрреволюции массами переходили в революционный стан, а «весь простой народ склонился к нему (Разину. – А. Г.), стрельцы нападали на офицеров, рубили им головы или передавали их со всем флотом Разину». Недаром воевода Прозоровский «весьма дивился, не ведая, где он (Разин. – А. Г.) в столь короткое время собрал такую большую силу, ибо у него оказался флот из 80 новых судов, на каждом две пушки и множество войска». «Сила его (Разина. – А. Г.) росла день ото дня, и за пять дней его войско увеличилось от 16 тыс. до 27 тыс. человек подошедшими крестьянами и крепостными, а также татарами и казаками, которые стекались со всех сторон к этому милостивому и щедрому полководцу».

Солдаты флота князя Львова восстали, убили офицеров, «объявили, что они за казаков, и передали суда в руки Стеньки Разина не иначе, как заранее в том столковавшись». По образному, абсолютно справедливому замечанию Стрейса, «пламя восстания разбросало во многих местах свои искры». Даже там, где пока господствовала контрреволюция, она чувствовала себя весьма неуверенно. Еще Разина нет в Астрахани, а феодалы уже не знают, на кого можно положиться, уже «слышно было здесь и там о разных мятежных сговорах, большей частью тайных», уже наместник потерял всякую власть и, скрепя сердце, молча выслушивает всякие оскорбления, а дворяне заняли места «простых солдат», будучи неуверенны в рядовых стрельцах.

Трудно переоценить значение этих наблюдений, правдивость которых нельзя заподозрить тем более, что они записаны человеком, ненавидевшим крестьянскую войну. Приведенные места рисуют огромную силу восставших, их пестрый национальный состав, колоссальный размах движения, поднявшего всех, кого угнетал и эксплуатировал феодально-крепостной строй.

Дошло до того, что «господа, надев дешевое, плохое платье, покидали жилища и бежали в Астрахань». С дворянами расправа была беспощадной: их убивали, топили в Волге, головы убитых помещиков крестьяне в мешках приносили к Разину в знак своей верности.

Изображая Разина кровожадным зверем, Стрейс принужден отметить в нем ряд положительных черт. Разин «держался скромно», его «нельзя было бы отличить от остальных» его

⁵ Там же. С. 65.

соратников. Зато по отношению к представителям господствующих классов он вел себя совсем иначе. «Держал он себя по отношению к персидскому королю с таким высокомерием, как будто сам был царем», он придерживался порядка и сурово преследовал проявления недисциплинированности. Разин возмутился, когда Прозоровский предложил ему выдать перешедших на сторону революционной армии «слуг его величества», и с негодованием отверг это предложение, сказав: «Должен я предать своих друзей и тех, кто последовал за мной из любви и преданности». Чувство большого внутреннего достоинства сквозит в его ответе Прозоровскому, посмевавшему делать Разину «предписания, как своему крепостному, когда я рожден свободным».

«Кровожадность» Разина имела определенную классовую направленность и касалась «по большей части начальников», а не «простого народа».

Любопытно, что в отличие от других крестьянских войн феодально-крепостной эпохи разинщина не была облечена в оболочку монархической идеологии. По свидетельству Стрейса, Разин «не хотел носить титула, сказывая, что он не пришел властвовать, но со всеми вместе жить, как брат».

Койэт, автор описания посольства Кунраада фан Кленка, рассказывает, будто Разин снарядил две лодки, посадил в одну из них юношу, которого выдавал за покойного царского наследника Алексея Алексеевича, бежавшего от бояр, а в другой лодке, утверждал Разин, находится патриарх Никон. Таким агитационным приемом Разин привлек якобы на свою сторону массу⁶. Если и верно это утверждение Койэта, то оно все же не нарушает основного вывода: «монархизм» у Разина не играл значительной роли.

Если к восстанию примкнули все низы феодального общества – крепостные крестьяне, казаки, националы, эксплуатируемый люд приволжских городов, – то против крестьянской войны ополчились общественные верхи, без различия национальности, сословий. Не только аппарат крепостнического государства, но персидский шах, польские и немецкие офицеры, шотландские дворяне, английские и голландские капиталисты, немецкие лейтенанты и прапорщики – все поднялись на подавление восстания, добровольно предложили услуги феодальной контрреволюции. Недаром ненависть разинцев была обращена и против иностранных гостей.

Стоит прочесть письмо капитана Бутлера, чтобы почувствовать всю силу его диктуемой классовыми интересами ненависти к движению, страх перед размахом борьбы угнетенной массы, неуверенность в представителях этой массы, находившихся на царской военной службе, их готовность восстать при малейшей возможности.

Достаточно было одному полковнику попытаться убеждать солдат «отступить от казаков как мятежников и верно защищать город», чтобы получить ответ, «чтобы он заткнул свою глотку». Другие офицеры были убиты восставшими. Исключение делалось, по свидетельству Бутлера, только для персов, с которыми обращались более милостиво. Бутлер не может объяснить этого явления, но, по-видимому, оно мотивируется указываемым Стрейсом желанием Разина заключить союз с восточными ханствами, чтобы объединенными силами выступить против Москвы.

Как видим, записки Стрейса, при всей необходимости строго критического подхода к ним, заслуживают нашего внимания. В живой и легкой форме они дают дополнительный материал для понимания ряда существенных исторических вопросов.

А. Гайсинович

⁶ См.: Посольство Кунраада фан Кленка. С. 453–454.

Предисловие автора к читателю

Снисходительный и благосклонный читатель! Подобно тому как сладостно в добром здравии пережить беду и несчастье и снова воскресить их в рассказе, так кажется и слушание одного привлекает благосклонность большинства людей. И то и другое неоспоримо подтвердилось для меня на собственном опыте: когда я, повествуя о диковинных приключениях, неизменно пробуждал в моих слушателях такое болезненное и ненасытное желание и жажду, что они не довольствовались моими рассказами и настойчиво побуждали и просили меня опубликовать в печати для общего сведения историю моих путешествий и все, с чем мне довелось встретиться за это время, чтобы то, о чем рассказываешь, нередко беспорядочно и отрывисто, удачно изложенное и точно описанное во всех подробностях, лучше уяснилось или запомнилось. Долгое время противился я просьбам добрых друзей и благосклонных знакомых: ибо, когда приступил к описанию моих путешествий и довел его до конца, я совсем не думал его печатать и делать общим достоянием, к тому же перенесенные беды и несчастье угнетающе действовали на мой дух, я находился в том жалком состоянии, которое никак не могло придать моему перу искусства. Но признаюсь откровенно, что если бы даже я не был подавлен этими затруднениями, ни мой разум, ни опыт, ни мастерство в писании не были способны достойным образом ответить строгому суду нашего времени, ни тем более удовлетворить его. Но так как различные благородные лица и добрые друзья многократно просили меня приготовить к печати описание моих путешествий, я наконец дал уговорить себя и с большим тщанием просмотрел мои записки, которые мне удалось заботливо сохранить во время всех нападений, опасностей и грабежей, и с помощью более искусного пера, чем мое, я привел этот труд в тот вид, в каком он ныне выходит в свет. В своих очерках я прилагал все усилия к тому, чтобы описать и изобразить жизнь с возможной точностью; вот почему я не стыжусь уверить проницательного и понимающего читателя, что это произведение (в отношении правдивости и искусства) не уступит другим и даже превзойдет многие, в которых часто встречаются неверные суждения, а для возбуждения большего изумления изображаются вымышленные вещи, которых нет в природе и которые вообще немыслимы. Мои записки, как они здесь предложены, никто из путешествовавших по этим странам и хорошо их осмотревших не сможет обвинить в подобном, и ни один живой свидетель-очевидец не откажется подтвердить правдивость этой истории и приключившихся событий, так что я могу быть уверен, что затраченное мною время, великие усилия и труд не пропадут напрасно и без пользы, но будут приятны любознательным охотникам до иноземных путешествий, стран, людей, обстоятельств и случайностей. Я живу надеждой, что мой труд и затраты на печатание и издание этой книги не будут бесплодны, и с этой надеждой я поручаю снисходительного и благосклонного читателя защите Всевышнего, себя же – его постоянной милости и благоволению.

Я. Я. Стрейс

Первое путешествие По Ост-Индии, Сиаму, Японии и другим странам

Глава I

Повод и случай к первому путешествию автора. – Буря на море. – Прибытие в Гибралтар, в Геную и ее описание, в Велес Малагу. – Встреча с турецким корсаром. – Прибытие в Боа-Виста. – Описание Соляных островов Майо Фоги и Брава. – Положение этих островов. – Прибытие в Сьерра-Леоне. – Невежество короля, которого заманивают на корабль, бросают за борт, а поселок его сжигают. – Описание Сьерры-Леоне

Подобно тому как с отчаяния человек нередко становится монахом или солдатом, так детское упрямство и распущенность часто толкают на бесчестные дела или создают страстных путешественников; к числу последних принадлежу и я. Отец обучил меня хорошему ремеслу – парусному делу – и охотно оставил бы меня при себе; но так как он наказал меня однажды за какое-то озорство, то я сбежал и без долгих разговоров отправился путешествовать. В Амстердаме снаряжали тогда два корабля, отправлявшиеся в Геную. Первый назывался «Св. Иоанн Креститель», шкипером на нем был Генрих Христианс из Амстердама. Другой – «Св. Бернард», и на нем вице-командором был Ян Беннинг из Везепа, а шкипером – Герман Фоогт из Схидама. Над обоими стоял капитаном Ян Маас из Дюнкирхена. На первом корабле было восемь пушек, на втором – шесть. Я нанялся младшим парусным мастером на «Св. Иоанна Крестителя», тогда мне было 17 лет, и я много не думал о том, куда поеду и надолго ли.

26-го декабря 1647 года, призвав имя Божие, мы вышли на парусах из Текселя, но едва отошли от него, как заметили, что корабли наши недостаточно загружены, вследствие чего мы были вынуждены повернуть назад и снова пристать к берегу, чтобы прибавить грузу; после этого мы взяли порядочно олова, несколько ящиков ртути и другой тяжелой клади, чтобы удобней увеличить вес кораблей. После того мы были готовы к отплытию и решили выйти во второй

раз 4 января 1648 года, что мы и сделали, миновали с попутным ветром пролив, названный Испанской дырой, и поплыли по морю среди льдин, ибо начались сильные морозы.

10-го встречный ветер вынудил нас зайти в Дюнкирхен, где мы простояли два дня, и снова при попутном ветре и хорошей погоде вышли в море; но нас застала сильная буря и поднялись такие большие волны, что мы были вынуждены искать надежную гавань, каковую и нашли близ острова Уайт, где мы простояли до 25-го. Когда буря улеглась, мы снова оставили бухту, но ненадолго; противные ветры вынудили нас после многих трудов в третий раз укрыться в гавань, ибо мы ничего не могли поделать.

6-го февраля мы бросили якорь в Портленде и пробыли там три дня, после чего подняли паруса и вошли в пролив.

10-го числа при полном штиле были мы в виду Гибралтара, а на другой день с марсельным ветром¹ вошли в пролив. Ветер благоприятствовал нам и дул так, что (слава богу!) по прошествии пяти дней увидели мы к своей большой радости город Геную и бросили якорь за старым молом.

30-го мы получили practica, или разрешение на выгрузку. Мы выгрузили оба корабля; наша служба кончилась, и каждый получил причитавшиеся ему деньги. Корабли, как уже сказано выше, были куплены самим великим герцогом, который велел снабдить их припасами, порохом и военным снаряжением на три года. На каждый корабль наняли сотню голландцев, остальные были итальянцы, в том числе несколько бандитов. Я снова нанялся за восемь гульденов в месяц старшим парусным мастером, не зная даже, куда лежит путь; это не было известно и матросам.

После того как я снова освободился, меня охватило сильное желание осмотреть этот красивый город. Генуя, или Генуа, лежит на берегу моря, которое образует там прекрасную бухту или гавань, обращенную к югу, в сторону африканского побережья. Часть города расположена по склонам гор, другая, ровная часть, лежит между двумя долинами. В окружности город имеет приблизительно шесть итальянских миль; он хорошо застроен; по старинному обычаю обнесен превосходными стенами; и хотя укрепления и войска достаточно сильны, чтобы отразить нападение, но все же не настолько, чтобы выдержать длительную осаду и сильный штурм. Генуэзское войско состоит из нескольких немецких и корсиканских полков, а также нескольких конных отрядов, которые постоянно разъезжают у моря и по городу, чтобы предупреждать всякие тайные заговоры и предательства, а также воспрепятствовать турецким разбойникам, которые иногда втихомолку высаживаются на берег и захватывают добычу и рабов. Гавань постоянно охраняется четырьмя галерами², не считая доброго числа других, которые стоят в бухте всегда наготове; их генуэзцы посылали на помощь венецианцам в их морских битвах с турками. С этой стороны возвышается башня, где ночью поддерживают сигнальный огонь. У входа в гавань лежит на лафете огромная пушка, у которой всегда стоит охрана из немцев. Дворец герцога также охраняют пятьсот таких воинов, которые живут там со своими особыми начальниками. Весь город, особенно вдоль берега, застроен превосходными зданиями и дворцами. В городе 30 приходских церквей, лучшая из них – церковь Св. Лаврентия³. В церкви Санта-Сакристия (Santa Sacristia) показывают ключ из смарагда, который стоит целого сокровища. В церкви Св. Варфоломея сохраняется платок Спасителя, который совершил много чудес. В Генуе большое население, там живут отличные купцы, а также выделывают плюш, бархат, и говорят, что там более 8 тысяч мастерских. По своему положению и огромной торговле Генуя – один из прекраснейших городов христианского мира. Как и Венеция, она представляет республику, управляемую великим герцогом.

12-го апреля мы вышли в море и направились к Велес Малаге (Velez Malgem), куда счастливо прибыли 15 мая, и через два дня снова тронулись в путь. Мы направились в Малагу, в бухте которой 24-го числа мы бросили якорь. Здесь почти всех бандитов высадили на берег.

Мы погрузили также примерно сотню бочонков испанского вина вместе с печеньями, лакомствами и бальзамом для больных.

29-го мая мы снялись с якоря и поплыли с попутным ветром. 2 июня свернули с морского пути и направились к островам Зеленого Мыса, где должны были остановиться на отдых, из чего мы могли заключить, что наше плавание рассчитано на долгий срок. Никто из нас (кроме начальства) не знал, куда или в какую сторону назначен наш путь.

Ночью 4-го числа мы натолкнулись на девять турецких кораблей, которые нас спросили: «Откуда идет корабль?» Мы ответили: «Из Генуи» и спросили их в свою очередь о том же, на что они ответили: «Из Алжира». Когда наш командор узнал, какие у нас соседи, то пожелал скорее остаться в одиночестве, нежели в их обществе. Однако он не подал виду, что испугался, весело отвечал им и пригласил на утро к завтраку. Для них у нашего повара было мало припасов, но командиры кораблей и пушкари стали поварами, а все остальные подручными. Наутро котел и миски поспели, наши пушки стояли на борту, и каждый находился на своем месте, чтобы ждать турок на завтрак, но после того, как они нас внимательно осмотрели, им это угощение пришлось не по вкусу, несмотря на то что они шли по ветру и имели перед нами такое превосходство. Эти разбойники наконец повернулись и ушли, как плуты, не знающие храбрости.

24-го мы без всяких препятствий проплыли мимо Фламандских островов.

6-го июля мы пришли к острову Боа-Виста, где бросили якорь. Здесь жило несколько бандитов, которые привезли нам на борт напитки и много козьего мяса. Мы погрузили здесь также десять шеффелей⁴ соли. Вокруг самого острова водится много рыбы; мы иногда выходили на ловлю и однажды поймали более 1500 лещей.

Остров Боа, или Буэна-Виста, один из Соляных островов или островов Зеленого Мыса, получил свое название от приятного вида, который открывается на него с моря. Он лежит на расстоянии семи миль от южного берега острова Саль (Ilha do Sal или del Sal, т. е. Соляной остров). Окружность острова равна приблизительно 20 милям; он простирается с северо-запада на юго-восток, с берега окружен горами, внутри покрыт холмами; на северной стороне видна длинная скала, которая тянется более полумили, там очень опасное и бурное место; встречаются там также подводные камни, на которые наскакивают многие корабли и терпят крушение в этих водах. У южного мыса также выступает подобная скала, камни которой то видны над водой, то скрыты под ней; на юго-западной стороне расположены настоящая якорная стоянка и гавань для кораблей глубиной 15, 16 и 17 клафтеров⁵ с хорошим песчаным дном, где можно стать на якорь.

Пробыв шесть дней на Боа-Виста, мы отправились к близлежащим островам Зеленого Мыса: Майо, Сантьяго, Фоги и Брова.

Остров Майо лежит в 8 или 9 милях к юго-западу или, вернее, к западу от острова Боа-Виста. Это самый маленький из всех островов, приблизительно семи миль в окружности. В глубине возвышаются остроконечные горы, на севере простирается низменность, шириною почти с милю, на северо-востоке далеко от берега торчит из воды утес, а в стороне, на расстоянии мили, другой; обе эти скалы при указанной низменности страны делают морской путь здесь весьма опасным. Остров почти круглый, и длина его приблизительно такая же, как и ширина. Известная гавань лежит на юго-западной стороне, где стоят корабли и песчаное дно имеет 15 или 16 клафтеров глубины. На северной стороне острова, за Черным мысом, лежит удобная и безопасная гавань, где можно бросить якорь на глубине 5 или 6 клафтеров. На восточной стороне, на низком берегу, расположена деревушка из 10 или 12 домов. Здесь не произрастают ни померанцы, ни лимоны, ни другие плодовые деревья, и только кое-где попадаются финиковые пальмы, плоды которых редко дозревают вследствие скудости почвы и чрезмерной жары, и хотя они получают надлежащую окраску, но не имеют вкуса. Кое-где попадаются единичные хлопчатые деревья. Здесь в изобилии водятся козы, так что ежегодно снимают несколько

тысяч шкур. Встречаются также дикие лошади, коровы и ослы, много пернатых – куропадок, диких гусей и других неизвестных птиц. Здесь много соляных площадок, которые образуются частью от грунтовой воды, а частью от набежавшей морской, испарившейся на солнце, но цвет ее красноватый. Остров населяют немногочисленные чернокожие и белые, они живут охотой на коз, которых травят собаками. Они ловят также множество лещей, сазанов и других рыб, которые в изобилии водятся в окружающих водах.

Остров Сантьяго самый значительный и большой из всей группы островов Зеленого Мыса, он имеет приблизительно двенадцать миль в длину и тянется с северо-запада на юго-восток. На острове, на возвышении, расположен город, называемый, как и остров, Сантьяго. Это столица острова и всех остальных островов, местопребывание португальского епископа⁶.

Остров Сант-Яго очень плодороден, и берега реки Корео (Korea) сплошь поросли кокосовыми пальмами, померанцами, лимонами, различными другими плодовыми деревьями и кедрами. Много там рису и кукурузы наряду с некоторыми другими злаками. Скот и выючные животные такие же, как и на острове Майо.

Остров Фого, т. е. Огненный остров, названный так по извержению пара и огня из самой высокой горы⁷, расположен под 14°12' северной широты, в 12 милях от юго-западного мыса острова Сантьяго.

К северо-западу, на западном берегу имеется рейд и тут же небольшая крепость, расположенная у подножия горы. Однако эта гавань не очень удобна из-за быстрого течения. Суда, плывущие с востока и желающие бросить здесь якорь, должны обогнуть остров с севера, иначе им трудно будет проплыть. Ветер страшно крутит возле берега, а дно глубокое и берег круто обрывается вниз; так что дно достать можно только возле крепости. Приблизительно в четырех милях южнее острова Фого лежит остров Брава. Это дикий или пустынный остров, с двумя или тремя маленькими островками к северу от него. На западной стороне удобная бухта для тех, кто хочет запастись свежей водой. На юго-восточной стороне главная гавань, глубиной 15 клафтеров. Идущие из Ост-Индии могут прямо причалить передней частью корабля к валу. Над гаванью живут отшельники и довольно много народу в окрестностях. Остров Брава богат финиковыми пальмами и тузовыми деревьями, арбузами, маисом, но не так богат скотом, как острова Майо и Сантьяго.

Воздух на всех этих островах и близ них весьма вреден и вызывает у каждого находящегося там лихорадку, колики и кровавый понос. Иногда опускается туман, красный, как дубильная кора. Положение островов между экватором и тропиком Рака дает жителям лето два раза в году, и солнце дважды стоит прямо над их головой. Когда солнце входит в знак Рака, что бывает в конце июня, тогда непрерывно идут дожди с бурей, громом, молнией и ветрами, вследствие чего португальцы называют это время порой дождей. Они тянутся до середины октября. Во время дождей воздух заметно меняется, насыщается парами, темнеет, и соль растворяется в ямах.

С островов Зеленого Мыса, или Соляных островов, мы снова вышли под парусами 12-го и держали путь на Сьерра-Леоне, которую завидели 2 августа, и еще издали слышали гром и завывание ветра с этих гор, отчего эти скалы и названы Сьерра-Леоне, или Львиные горы. Вечером мы приблизились на шлюпке к берегу и слышали иной шум и грохот от волн, которые с силой ударяли в расщелину скалы и с ужасным шумом спадали обратно. Сьерра-Леоне, или Львиные горы, начинаются от мыса Верга (Cabo de Virgin), а кончаются у мыса Тагрин (Cabo Tagrin или Ledo), также называемого мыс Сьерра-Леоне; Сьерра-Леоне лежит под 8°13' северной широты. В горах и по равнине текут тринадцать рек, которые все впадают в море; по берегам их растут померанцы, лимоны и другие плодовые деревья.

3-го августа мы вошли в бухту Сьерра-Леоне. Тотчас по прибытии наш командир выслал на берег шлюпку с подарками для короля: пять железных палок, анкер⁸ водки и анкер испан-

ского вина. Когда наши сошли на берег, король и знать дружелюбно приветствовали их; этот король был по отношению к своим подданным неплохим государем против обыкновения многих князей и властелинов, которые обогащаются, приводя в нищету население. Но он походил на них ненасытной жадностью, ни от чего не отказывался и домогался большего; получив подарки, он потребовал еще столько же, что ему и прислали, после чего мы в полном спокойствии могли набрать воды, нарубить дров и запастись апельсинами, лимонами и другими свежими фруктами. Жители – кафры или наполовину чернокожие – встречали нас внешне приветливо и ежедневно приходили с фруктами на наш корабль. После того как король получил два подарка, он потребовал еще столько же, говоря, что если ему откажут, то он не допустит, чтобы кто-нибудь сходил на берег. Такое бесстыдство побудило нашего командора Яна Мааса искать средства захватить короля в свои руки. Он послал за ним лодку и велел сказать ему, чтобы он явился на судно, где он будет одарен по его желанию. Неосторожный дикарь, когда ему сделали подобное предложение, не мешкал, тотчас же сел со своей свитой в лодку и отправился вниз по реке к кораблю. Его пригласили подняться с пятью или шестью спутниками. Король, взойдя на корабль, сразу побежал в каюту в надежде получить большие дары; но ему поднесли железные прутья, какие применяются в тюрьмах, сковали руки и ноги и упрятали вместе с четырьмя спутниками. У него был понурый вид, тем более что командор, указывая на его вероломство, грозил его повесить, что и привели бы в исполнение, если бы шкипер Генрих Христианс (Hendrick Christians) не отсоветовал по многим причинам. Однако же командор приказал выбросить его за борт через кухонное оконце. Он чрезвычайно хорошо плавал, ибо за короткое время добрался до берега. Его придворные побежали к своим лодкам и изо всех сил старались поскорее достичь берега, где они выстроились, как бы собираясь напасть на нас или помешать нашей высадке, что вывело из себя нашего командора, когда он узнал об этом. После этого, чтобы доказать, что он заплатил дважды не из страха и что у него хватит смелости высадиться на берег без разрешения, он отправил на берег две лодки с таким числом стрелков, чтобы они, невзирая на то, будет ли это приятно или досадно, достали воды и нарубили дров, сколько нужно. Затем командор, считая, что месть еще не доведена до конца, приказал нам разнести их изгороди и дома и сжечь поселок, что и было приведено в исполнение с большой быстротой. Увидав это, король поспешно собрал около тысячи лодок, половина их была нагружена пучками сухой рисовой соломы. Они спустились с ними вниз по реке, чтобы, как мы предполагали, сжечь наш корабль или, может быть, употребив солому для брусвера, попытаться взобраться на наши корабли и овладеть ими. Как бы то ни было, мы не сочли благоразумным ждать, пока явится это дикое полчище; 16-го мы снялись с якоря и продолжали путь по направлению к Мадагаскару.

Близ Сьерра-Леоне мы встретили флейт⁹, который торговал по всему побережью. Шкипером на нем был Ян Баккер (Jan Bakker) из Дюргердама. Наш командор Ян Маас охотно взял бы к себе этот корабль и дал бы за него нашего вице-адмирала «Св. Бернарда», на нем было бы удобнее переплыть Красное море, а также разъезжать взад и вперед, как на вестовом судне, но шкипер отсоветовал командору, и тот оставил свое намерение. Ян Баккер встретил у короля такой же прием и заплатил ему на наш лад дерзостью, вышвырнув его из каюты за дверь, вследствие чего мы изумлялись, как этот уже награжденный подобным образом дикарь не был осторожнее в другой раз.

Сьерра-Леоне – одно из самых лучших мест для отдыха, какое себе можно представить, как по плодородию, так и по обилию пресной воды. Здесь в изобилии растут просо, апельсины, лимоны, бананы, кокосовые пальмы, дикий виноград и многие другие плоды, также сахарный тростник и особый сорт длинного перца. Кроме этих растений, употребляемых в пищу, и плодовых деревьев здесь много красного строевого леса. Но наш краткий осмотр не дал нам возможности извлечь иной выгоды, кроме отдыха. Рыба там водится в изобилии, на берегу меж скал мы видели прекрасных крупных устриц. Пресная вода на Сьерра-Леоне повсюду в боль-

шом изобилии; с гор спадает много рек с чистой дождевой водой, но ее очень вредно пить в мае, в начале периода дождей: она, как мне сказывал наш шкипер, вызывает лихорадку, понос и другие смертельные болезни; если капли дождя попадут на кожу чужеземца, то она распухает и покрывается волдырями, а также в платье от того дождя заводятся особого вида черви; потому всякого, кто попадет туда, предостерегают не пить иной воды, кроме той, которую соберут спустя некоторое время после дождя; тогда отравы, по-видимому, пропадает, и мы от нее не видели себе вреда или опасности. По своей природе жители Сьерры-Леоне не совсем черные, а скорее коричневые, и тело их в некоторых местах прижжено раскаленным железом; в ушах и ноздрях проткнуты дырочки, куда они вдевают драгоценности и золотые кольца, воображая, что превосходно себя тем украшают. Мужчины и женщины ходят голыми, только прикрывают стыд передником из коры. В глубине страны попадаются людоеды, но по берегам они не так свирепы, весьма дружелюбны и приветливы к приезжающим европейцам. Король, с которым нам пришлось иметь дело, был старик; он носил гвинейское платье и серую войлочную шляпу, но ходил босиком, как и весь простой народ.

Глава II

Прибытие на Мадагаскар. – Диковинная история командора и короля. – Смерть вице-командора Беннингса. – Сильный ропот вследствие того. – Оба корабля готовятся к бою. – Шкипер Гармен Фоогт (Harmen Voogt) сдается, на него накладывают оковы. – Длительное пребывание на Мадагаскаре. – Описание острова, плодородие, изобилие скота, отличные овцы и всевозможные породы мартышек. – Образ жизни жителей, внешность, одежда, уклад, утварь, брак и погребение. – Безбожная свобода в действиях и тирания над детьми. – Богослужение и государственная власть

Октября 13-го мы в целости и сохранности добрались до упомянутой земли или острова и бросили якорь в гавани Антонгило. Мы спустили шлюпку и поставили белый флаг в знак дружбы. На берегу поступили точно так же; но на горах копошилось множество людей, вооруженных стрелами, луками и дротиками, вследствие чего мы опасались, что они при такой большой численности легко овладеют нашим кораблем. Мы не особенно доверяли им и не торопились тотчас сойти на берег, но медленно плыли вдоль него. Когда они это заметили, то один крикнул на хорошем нижненемецком языке: «Эй, вы, не беспокойтесь и не бойтесь, с вами не случится беды, сходите свободно на берег». Наш командор был уже раз на Мадагаскаре, и там у него сбежал раб, которого он обучил читать и писать. Это заметили только тогда, когда корабль уже плыл на всех парусах. «Он, как я разумею, – сказал командор, – приобрел здесь большой вес, жители даже избрали его своим начальником». Когда мы сошли на берег, то король со своими приближенными встретил и приветствовал нас и вскоре провел в свое жилище, находившееся посреди хорошо укрепленного шанца и окруженное со всех сторон изгородью. Весь дом и пол были завешены и покрыты красивыми циновками. Король тотчас стал нас спрашивать, что это за корабль и кто мы такие, ибо он мог судить по флагу, что мы не из Голландии. Командор ответил, что мы голландцы, но эти два корабля находятся на службе великого герцога Генуэзского. В дальнейшем разговоре командор спросил короля, где он так хорошо научился нижненемецкому языку, на что он сказал: «Когда я был рабом у хорошего штурмана Яна Мааса и мы плыли в Ост-Индию, по дороге нас застала сильная буря, наш корабль пригнало к берегу совсем без мачт; когда его снова починили, я сбежал на берег, а корабль тем временем ушел в море». «Добро, – сказал командор, – господин король, вас зовут Димбро?» На что тот ответил: «Откуда вы меня знаете?» – «Добро, – сказал командор, – разве вы не знаете Яна Мааса?» При этих словах король быстро взглянул с большим изумлением и тут же бросился к нему на шею и поцеловал его. Немного погодя он встал и сказал: «Хорошо, вы были добрым господином и хозяином, все к вашим услугам, берите сколько хотите мяса и плодов, вам не придется платить за это». Командор поблагодарил его за радушие и сказал, что для него будет достаточно, если он сможет обменять товар на товар. Король в знак расположения предложил своих жен матросам, и женщины также приходили сами и выбирали самых молодых и лучших парней и горели желанием произвести голландское потомство. Многие из нас не заставили себя долго просить, тем более что эти были миловидные и красивые чернокожие. Но какие получились от того птенцы, осталось мне неизвестным, ибо мы там пробыли не так долго.

Тем временем умер наш вице-командор Ян Беннингс, и решили, что шкипер Гендрик Христианс займет его место, а шкипер Гармен Фоогт с вице-адмирала перейдет на адмирала; но последний не соглашался с этим и велел передать командору, что в случае если он захочет его видеть на своем корабле, ему придется привести его силой, иначе он не согласен покинуть свой корабль. Ночью он велел поднять все орудия, которые лежали в трюме, и приготовился к морской битве. Как только с наступлением дня командор увидел развевающийся кровавый флаг, то приготовился к бою, и так поспешно, что рано утром все было готово. Гармен Фоогт

послал своих матросов на берег за водой; заметив это, командор спустил лодку с вооруженными матросами, которые перехватили отправившихся за водой, взяли их в плен, привели лодку с матросами к нашему кораблю и держали их в плену до тех пор, пока не сняли с них допрос. Тем временем наш корабль стал боком перед носом «Св. Бернарда». Гармен Фоогт, увидав, что он обманут и что у него слишком мало народу, потерял присутствие духа и прибыл в лодке на корабль командора; но матросы его время от времени кричали громко и отвратительно: «Отпустите без проволочек нашего шкипера и матросов обратно, или мы будем драться до последней капли крови и никому не дадим пощады».

Как только шкипер Гармен взошел на корабль, его схватили и сковали ему руки и ноги. После этого забрали еще двоих штурманов и других офицеров под предлогом взять с них правдивые показания и тотчас же бросили их в заточение. Когда матросы и весь народ увидали, как обстоят дела и что их главари в оковах, они потеряли мужество и вскоре сдали корабль со всем, что ему принадлежит. Тогда созвали военный совет и спросили пленных офицеров (за исключением Гармена), что они предпочитают: сгореть со своим кораблем или верно и беспрекословно служить командору. Они склонились к последнему, ибо полагали, что им угрожает большее несчастье. Поэтому они смиренно просили прощения и обещали, что никогда не поднимут мятежа и не выкажут недовольства. После этой просьбы еще раз созвали военный совет, и было решено простить им всем их преступление. Но шкипер Гармен Фоогт должен был остаться в оковах до возвращения в Геную, где его накажут за непокорность и на всю жизнь сошлют на галеры. Затем разделили матросов обоих судов и смешали их между собой, чтобы смирить мятежный дух и не дать повода для нового восстания. По причине таких неприятностей мы упустили время для отъезда, и нам пришлось ждать, пока наступит другое время года, так что наше путешествие надолго задержалось. Между тем мы пользовались хорошей погодой, ловили рыбу, стреляли птиц, охотились или собирали в лесах всевозможные плоды.

Остров Мадагаскар лежит приблизительно в 110 милях от Софала и в 44 от Мозамбика. Он простирается к северо-востоку и юго-западу вблизи экватора и лежит в своей северной части под 12°, а в южной – под 26° южной широты. Это один из самых больших островов во всем мире, в 220 немецких миль длиной и 70 миль шириной. Мадагаскар делится на различные провинции и владения, отделенные большей частью реками. Это очень плодородный остров, где много риса, ячменя, разных бобов, бананов, ананасов, дынь и всяких других плодов. Там произрастают также сладкие и кислые гранаты, померанцы, лимоны, миндаль, финики, груши и т. д.

Помимо этих плодов также много там разных съедобных корней¹⁰. Там собирают прекрасный мед, каучук, целебные корни и травы; помимо того по всему острову много минералов и металлов, главным образом железа. Золото, которое находят там, гораздо хуже, чем в Перу или в других местах, и унция его не стоит даже и 10 крон; но в железных рудниках добывается железо, лучше которого нигде нет. Также встречаются там различные породы драгоценных камней: топазы, аметисты, смарагды, сапфиры, гиацинты, яшма, агат и другие, также много красного железняка. Животные водятся там в изобилии: коровы, дикие и домашние, козлы и козы, которые четыре раза в год дают приплод. Овцы весьма жирны, их хвосты весят до 25 фунтов и больше; также дикие и домашние свиньи, у которых превосходное и вкусное мясо и сало, не такое противное, как в Европе. Также водятся там кабаны особой породы, которых жители называют Тендрак (Tendrak), весьма нежные на вкус, мясо у них мягкое и волокнистое. Эти звери спят в течение шести месяцев в ямах и пещерах под землею, без еды и питья, за это время выпадают их колючие иглы, такие же, как у ежей, которых здесь очень много. Собаки большей частью малы, с короткими мордами и ушами. Стадами, по 50, 60 даже по 100, бегают здесь различные обезьяны или мартышки, некоторые весьма красивы, другие дики и ужасны: их очень трудно поймать и приручить. Ростом они с лисицу. Другие более серые и поменьше и не такие злые, их легче поймать и приручить. Там встречаются еще белые обезьяны, кото-

рые чаще всего ходят на задних лапах, и у них слегка желтоватые головы. Они очень падки на женщин, которые иногда от них беременеют; они их берут насильно в то время, как другие крепко держат, в после того, как они удовлетворяют свою похоть, часто разрывают женщину на куски. Встречается также одна порода серых обезьян, у которых глаза сверкают, как огонь. Их считают самыми лучшими, но поймать их весьма трудно и еще труднее приручить, ибо они по большей части такие дикие и своенравные, что скорее сдохнут от голода, чем дадут себя увести. Здесь тысячи белок, ласок, вивер и других неизвестных зверей; но здесь нет лошадей, слонов, тигров, медведей, львов и других четвероногих хищников. Птиц и насекомых – несчетное множество. Скорпионы, ядовитые пауки, сороконожки и другие гады во множестве приносят вред человеку, и от их укуса можно потерять сознание.

Жители частью белые, частью чернокожие; у первых длинные редкие волосы, у других слегка курчавые и довольно красивые. Там есть еще желтые, они совсем дики и никогда не подрезают волос на голове и борода, тогда как первые иногда это делают.

Мадагаскарцы в большинстве случаев коварны, лживы и прирожденные воры, а предательство и мщение считаются у них наивысшим искусством и добродетелью; кто может в том себя показать, того прославляют и уважают; но кто не мстит или проявляет сочувствие, того презирают и осмеивают. Они от природы вялы и ленивы, и их нелегко заставить за тяжелой работой; зато они питают большую склонность к пению и пляске. Занимаются главным образом обработкой земли, гончарным делом, кузнечат, плотничают, прядут, ткут, шьют паруса, ловят рыбу и охотятся. Их кузнецы искусно закаливают железо, изготавливают ножи и вилы, наконецники для стрел и щипцы, которыми выдергивают волосы. Встречаются и ювелиры, но очень скверные мастера.

Их дома – простые деревянные хижины в один этаж, с крышей, однако они устраивают большой праздник при въезде в такой дворец. Когда дом построен, хозяин приглашает родственников и друзей в гости; но это угощение дорого ему не стоит, а, напротив, приносит выгоду, ибо никто не смеет явиться без подарка, наподобие вестфальских свадеб¹¹; начиная от самых высших и до последних крепостных, никто не приходит с пустыми руками: один приносит немного золота, серебра и железа; другой – деревянный сосуд с зерном или утварь; некоторые приносят быков, овец, всевозможные кушанья и т. д., так что хозяину помимо пира оплачивается и большая часть расходов на постройку. Праздник продолжается несколько дней, в это время они весело угощаются, пляшут, поют и играют. Их утварь состоит главным образом из кухонной посуды. У них нет столов, стульев, скамеек, скатертей, салфеток, постелей, сидят они на маленьких циновках.

Простой народ ходит чаще всего нагишом и едва прикрывает стыд. Одежда мужчин состоит из подштанников, свисающих до колен, и верхнего одеяния из цельного куска полотна, обернутого вокруг тела и стянутого поясом. Женщины носят платья до колен, с рукавами и без рукавов, а также особый род штанов и пояс вокруг тела. Они носят также шали наподобие ночных шейных платков у голландских женщин. Платья их из полотна, мочалки или шелка различных цветов, на которые они нашивают шелк другого цвета, чем самое платье. Мужчины и женщины ходят босиком, с непокрытой головой, и только одно племя покрывает голову. Мужчины носят на голове шапки, наподобие тех, какие у иезуитов. Женщины надевают шапочки, верхний конец которых заострен и спадает за плечи на спину. Брак у них не связан с большими церемониями. Каждый берет себе столько жен, сколько хочет или сколько может прокормить. Они легко разводятся. Мужчины не считаются с тем, если удовлетворяют похоть с другими женщинами; женщины тоже много не спрашивают и сами не упускают случая, и это у них не считается смертным грехом или позором; если что случится, то они принимают это за плутовство и кражу, которую можно искупить и оплатить маленьким подарком. Девушки добиваются этого и не стыдятся отдавать себя внаем кому угодно, лишь бы только было уплачено, и та, которая может много получить, пользуется большим почетом. Да ни одна девушка не возьмет

себе в мужья юношу, пока не попробует его перед тем как следует. Родители сами радуются, когда видят, что дочь так играет с юношей, они ее иногда еще подзадоривают. Тем не менее, несмотря на откровенную похоть, они не любят, когда их жены или взрослые дочери рассуждают о таких распутных делах.

Когда умирает человек, пользующийся уважением, то близкие и друзья обмывают его и убирают серьгами и браслетами, кораллами и другими мелкими украшениями, потом завертывают в тонкую одежду и так несут его в циновке к могиле; но людей более знатных предают земле с большими затратами. Когда знатный умирает, его, как и других, обмывают и, кроме того, стригут волосы, а женщинам надевают шапку и украшают многими драгоценностями. Тем временем приходят слуги вместе с родственниками, женами, детьми, рабами и рабынями и оплакивают покойника и громко кричат, так что слезы катятся по щекам. Другие вспоминают славные подвиги покойного, иные бьют в барабаны и литавры, во время чего некоторые начинают благопристойные пляски. Потом они обращаются к мертвому, как к живому, вопрошают и говорят: «Как же ты умер? Разве ты в чем-нибудь испытывал нужду? Разве у тебя не хватало скота, золота, серебра, железа и других вещей?» и так далее. После того как они целый день так плачут и пляшут над мертвым, к вечеру закалывают нескольких животных, жарят их и съедают. Перед мертвецом все время горит огонь, тело кладут в гроб из двух выдолбленных из дерева колод, покрывающих одна другую, и относят в приготовленный для того дом или хижину, где опускают в могилу приблизительно шесть футов глубины, куда спускают корзину с рисом, кружку с табаком, глиняную миску, жаровню, платье и пояс, вместе со съестными припасами, которые понадобятся покойному в пути на тот свет. Наконец приваливают к двери тяжелый камень и приносят в жертву животных, чтобы черт или злой дух не учинил препятствий покойному по дороге в рай. Они обычно просят у покойного во время болезни совета и потом вызывают его дух и спрашивают его.

Подобное идолопоклонство существует и у других народов; но здесь распространен особый ужасный и жестокий обычай, какого я никогда и нигде больше не встречал: они выбрасывают и убивают своих собственных детей. Правда, татары и индусы продают их, ибо говорят, что не могут их воспитать, и дети, если их покупают немцы, получают лучшую пищу, чем у родителей; но мадагаскарцы совсем бросают их и умерщвляют, так что поступают с ними хуже, чем дикие звери со своими детенышами. Происходит это тогда, когда жрецы говорят, что ребенок родился в несчастливый день и ему предстоит в жизни большие несчастья или что он родился под недоброй планетой, а также если на лице или руках у него дурные знаки, которые предвещают, что он станет преступником и убьет отца и мать. При таких или подобных предсказаниях они отдают ребенка рабу, дабы он снес и положил его в терновник или кустарник, где невинный погибает от голода и жажды или его съедают собаки и другие звери. В иных случаях, когда женщина во время беременности чувствует себя хуже обычного, то в этом повинна злоба ребенка, и его либо умерщвляют, либо закапывают живым в землю или топят тотчас после рождения. Также если рабыня беременеет от хозяина и он бросает ее, она душит без всякого раздумья свой плод или ищет случая, как бы устроить ребенка, чтобы воспитать его без затрат и усилий.

Когда белая женщина приспит с чернокожим, то сразу начинает помышлять о том, чтобы уничтожить плод; или дождется родов, и если заметит, что ребенок черен, подобно отцу, или волосы у него выются, то тотчас же его душит, топит, закапывает живьем в землю или убивает другим образом. Если девушка боится, что от ребенка или от того, что у нее слишком долго будет молоко, груди ее станут слишком большими или покроются мозолями (когда она желает остаться незамужней или заработать на этом деньги), то она не отступает перед тем (о, ужасная нечеловеческая жестокость!), чтобы умертвить плод в своем чреве или приколоть новорожденного. Кроме этого проклятого обычая у них есть другой, не лучший, а именно: когда женщина умирает от родов, то бросают младенца в могилу, говоря, что лучше если он умрет,

нежели его воспитают другие. А так как у них, наверное, половина дней считается недобрыми и несчастными, то очевидно, что они при таких обстоятельствах убивают половину своих детей, кроме тех, которые погибают по другим причинам. Таким образом, эта обширная и плодородная страна, где каждый берет столько жен, сколько ему, по его мнению, может понадобиться, и где невенчаные живут в свое удовольствие и не наказываются, все еще не густо населена. Однако встречаются немногие, которые не совсем лишены сострадания, но стыдятся обнаружить это перед друзьями и соседями. Они относят своих детей, но не очень далеко, и посылают за ними тайно раба или рабыню. А когда их возвращают обратно, родители приносят в жертву за них скот и кур и запирают их иногда в курятник или хлев под предлогом укротить злой дух ребенка, а то иначе он свершит большие злодеяния.

Богослужение мадагаскарцев не имеет особого значения; они не нуждаются ни в церквах, ни в молитвенных домах. Они знают, что существует Бог, который сотворил небо и землю, но не почитают его и не служат ему, однако исповедуются в своих грехах, когда приходит старость или болезнь. Они также верят, что существует черт – причина всякого зла, который дает и отнимает у людей жизнь; он вызывает все болезни, несчастья, убийства, кражи и всевозможные плутовства, поэтому нужно стараться задобрить его, почитать и приносить жертвы. Помимо Бога и черта для них существует еще третья сила, которую они называют Диан Мананс (Dian Manaus), владыка богатства, и полагают, что он делает людей счастливыми и богатыми. Помимо того у них имеется представление (весьма смутное) об ангелах, Адаме, Еве, Ное и других и даже о самом Спасителе. У них установлены праздники и посты, и они придерживаются их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.